

— Встречаемся с твоей сестрой, спасибо! Я натурал! — Хань Чжоу мгновенно ожил и сел, чувствуя недоброе предчувствие. Он повернулся к Лу Е:

— Кого ты встретил в ресторане?

— Он что, сказал мне своё имя? Просто представился как Цзинь, архитектор, и сказал, что знает тебя! — Лу Е с сарказмом расставлял на столе тарелки и миски, а затем скомкал пакет и засунул его за батарею. — Услышав, что ты болен, он чуть очки не уронил, жди его вечером!

— Он не носит очков, — мрачно сказал Хань Чжоу, проклиная себя за то, что не послушал советов и не переехал в пригород. В этом шумном месте он постоянно сталкивался с знакомыми! Он указал кончиком палочек на вышивку на груди Лу Е с надписью «Студия Хань Чжоу» и сквозь зубы произнёс:

— Перестань ходить в рабочей форме студии!

— Притворяйся, продолжай притворяться! — Лу Е улыбался всё более нагло. — Что, Чжоу, услышав, что он придёт, ты уже выздоровел и теперь прикидываешься, что не хочешь его видеть? Неудивительно, что за три года работы я ни разу не видел твою девушку. Оказывается, ты уже давно кого-то прячешь!

— Во сколько он придёт? — Хань Чжоу сейчас не хотел разговаривать с Лу Е и решил разобраться с ним после выздоровления.

Линьлинь, которая уже успела нафантазировать себе целую историю, вмешалась:

— Я слышала, что около четырёх или пяти. Ты волнуешься? Хихи!

— Хихикаешь, как дура! — Хань Чжоу поднял кусочек горькой тыквы в воздух. — Ты уже взрослая девушка, могла бы следить за своими словами!

— Смотрите, он переводит тему! — Линьлинь оскалила зубы. — Ладно, я никому не расскажу. Если вы не договоритесь сегодня, дай мне знать, я готова его забрать!

— Иди отсюда! — Хань Чжоу махнул палочками. — Если не уйдёшь, опоздаешь на автобус!

Линьлинь выбежала из комнаты, но через мгновение снова высунула голову в дверь:

— Последний вопрос: кто из вас снизу?

— Вали отсюда! — Хань Чжоу швырнул палочку, которая со звонком ударилась о дверь.

После обеда время пролетело быстро. К концу занятий Хань Чжоу снова почувствовал жар. Он хотел уйти домой, но Цзинь Шуань только что выразил желание навестить его, и уйти сейчас было бы невежливо. Поэтому он слонялся по студии, стараясь не выглядеть слишком измождённым.

В это время студенты отправились в столовую, и коридор был пуст. Только тихие звуки сморкания доносились из одной из комнат. Хань Чжоу зашёл и увидел студента, сидящего в углу, окружённого кучей использованных салфеток. Сначала он подумал, что тот тоже простудился, и хотел подойти и утешить его, но, подойдя ближе, понял, что тот плачет.

Увидев перед ним безжизненный акварельный рисунок, Хань Чжоу достал чёрную маску, надел её и сел рядом.

— Что случилось? Сломало?

— Да, сломало, — студент посмотрел на него и сам засмеялся, случайно выпустив пузырь из носа. Он взял салфетку и высморкался, мрачно сказав:

— Учитель, не нужно надевать маску, я тоже простудился.

Хань Чжоу снял маску и положил её в карман, наклонившись вперёд, локти на коленях.

— Если сломало, нужно идти к учителю. Что толку плакать?

— Учитель исправил его днём, я пытался сделать так же, но... — студент снова заплакал. — Учитель Хань, честно говоря, я пошёл в искусство, потому что у меня плохо с обычными предметами, а теперь понимаю, что ни в чём не силен.

Хань Чжоу погладил его по голове. Таких студентов было много — они шли в искусство не из-за любви к нему, а потому что не могли набрать достаточно баллов по обычным предметам.

Как и этот студент, он действительно старался, каждый день рисовал до поздней ночи, но, возможно, ему просто не хватало таланта, или он ещё не нашёл своего пути.

Но мудрецы говорили, что учитель должен учить всех, и ни один совестливый педагог не может бросить своего ученика, тем более что тот платит за обучение.

Хань Чжоу взял виноградинку с подставки, очистил её и бросил кожуру, заодно щёлкнув по стеклянной миске рядом с виноградом:

— У тебя проблемы с этим?

— Да, — студент хотел сказать, что у него проблемы со всем, но понял, что учитель прав — больше всего он мучился с прозрачными предметами, поэтому грустно кивнул:

— Я никак не могу передать прозрачность.

Прозрачные сосуды были обязательной темой на вступительных экзаменах последних лет, поэтому в студии каждый день ставили стеклянные миски или стаканы. Сегодня композиция была тёмной: на коричневой ткани стоял плюшевый мишка, бутылка красного вина, прозрачная стеклянная миска с водой и несколько фруктов.

Хань Чжоу вытащил пробку из бутылки вина, понюхал горлышко, затем взял бокал с соседнего стола, налил вино до краёв и поставил обратно.

На улице уже стемнело, и жёлтый свет фонаря смешивался с белым светом лампы в комнате, создавая богатую игру оттенков на поверхности фиолетовой жидкости.

Он сказал:

— Я скажу тебе, почему у тебя не получается. Ты слишком сосредоточен на сути предмета. То, что перед тобой вода, стекло или вино, не должно волновать начинающего.

Он зевнул, шмыгнув носом и достал из ведра чистую кисть. Указав ею на бокал, спросил:

— Что ты видишь?

Студент задумался на мгновение:

— Прозрачный бокал с красным вином.

— Неправильно, — сказал Хань Чжоу. — Ты видишь фиолетовый цвет, смесь тёплых и холодных оттенков, разных по насыщенности.

— То есть... — студент, кажется, что-то понял, его глаза на мгновение загорелись, но затем снова потухли, и он задумался.

Хань Чжоу постучал по его мольберту:

— Когда ты видишь коричневый фон, ты знаешь, что нужно рисовать коричневый, но никогда не задумываешься, ткань это или дерево. А почему, увидев фиолетовый предмет, ты должен думать, что это жидкость?

Студент посмотрел на свой рисунок и вдруг засмеялся:

— Так что лучшее в моём рисунке — это задний фон?

Хань Чжоу тоже рассмеялся:

— Не хочу тебя расстраивать, но да.

— Учитель, кажется, я понял! — на этот раз студент не выглядел подавленным, а с горящими глазами посмотрел в окно:

— Если я буду рисовать снег, мне не нужно думать, что это кристаллы льда, я просто нарисую белые точки, которые вижу. То же самое с вином — я нарисую фиолетовый цвет, а с водой и стеклом — цвета, которые вижу, не задумываясь, что это и прозрачно ли это, верно?

— Примерно так, — рисование — это то, что можно объяснить, но больше понять на практике. Если понял — это прорыв, если нет — ничего не поделаешь. Этот парень, кажется, осознал.

Но тут Хань Чжоу заметил, что за окном уже шёл снег — первый в этом году. Дома его старший брат, наверное, уже начал рисовать с вдохновением.

Он прищурился, глядя в окно, когда студент окликнул его:

— Учитель, кажется, вас кто-то ищет.

— А? — Хань Чжоу обернулся и встретился взглядом с Цзинь Шуанем. — Когда ты пришёл?

Он встал, похлопал студента по плечу:

— Продолжай рисовать так, как понял. Если что-то неясно, спроси завтра. Поужинай, я пошёл.

С этими словами он направился к Цзинь Шуаню.

Цзинь Шуань пришёл уже давно, но оба в комнате были так увлечены, что не заметили его.

Он стоял у двери, не проронив ни слова, наблюдая, как Хань Чжоу, несмотря на болезнь, терпеливо учит подавленного студента, приводя удачные примеры, и как его взгляд ненадолго уходит в снег за окном, словно на мгновение он переносится в другое время.

Этот Хань Чжоу странным образом совпадал и отличался от того, кого он видел на вечеринках. Цзинь Шуань чувствовал, что этот человек становился всё интереснее, и его сердце билось всё сильнее.

Хань Чжоу, закончив с учеником, подошёл к Цзинь Шуаню и, улыбнувшись, повёл его в свой офис:

— Ты ещё не ужинал? Подожди немного.

— Не торопись, — Цзинь Шуань не стал возражать.

<http://bllate.org/book/15564/1415483>